

исследования. — *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. М.: Кругъ. С. 19–37.

Бауман З. 2005. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 390 с.

Гусева И.И. 2006. *Стратегии исторического исследования: философско-эпистемологический анализ*. Саратов.: Изд-во СГСЭУ. 110 с.

Мегилл А. 2007. *Историческая эпистемология*. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация». 480 с.

Романовская Е.В. 2012. Идентичность как социальный феномен. — *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Т. 12. Вып. 4. С. 34–37.

Романовская Е.В. 2014. Коммеморативные практики и историческое сознание. — *Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска*. Липецк; Тамбов: Изд-во Р.В. Першина С. 59–63.

ROMANOVSKAYA Evgeniya Vasil'evna, Dr.Sci.(Philos.), Associate Professor, Saratov State Agrarian University (1, Teatral'naya Sq, Saratov, Russia, 410012; evromanovskaya@mail.ru)

FOMENKO Natal'ya Leonidovna, Cand.Sci.(Soc.), Associate Professor, Saratov State Agrarian University (1, Teatral'naya Sq, Saratov, Russia, 410012; natafom10@mail.ru)

IDENTITY AND COMMEMORATION

Abstract. Presently, the real explosion of interest in the concept of identity is observed. The problem of identity became aggravated when society had left behind the domination of nature and tradition and thus had faced a task to make its own decision. How is the collective identity formed? What is the role of commemoration strategies in that process? What does the experience of medieval memoria tell us? These are the key ideas of the present study. The author found out that choice of relationship and identity was determined in the medieval period not by means of consanguinity (blood relationship) but by means of collective commemorative activities. The dead in a society were present not only in the past but also in the present. Memoria as a collective phenomenon, a collective memory served as a way to identify community.

Keywords: identity, collective identity, memory, commemoration, memoria

МАСЛОДУДОВА Наталья Владимировна — к.филос.н.; доцент Сибирского юридического института Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20; nata.maslodudova@yandex.ru)

ШИНКЕВИЧ Владимир Ефимович — д.соц.н.; профессор Сибирского юридического института Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20; vlashink@yandex.ru)

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА НАИЛУЧШЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА И ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются основные идеи мыслителей Древнего мира, Средневековья, Нового и Новейшего времени о наилучшем политическом режиме и форме правления, которые наиболее полно отвечают запросам населения и общества в целом. Раскрываются особенности восприятия россиянами западного образца демократии, приводятся размышления о феномене демократии в современной России, обращается внимание на необходимость развития и совершенствования демократических завоеваний.

Ключевые слова: политический режим, форма правления, демократия, демократия в современной России

Проблемы наилучшего политического режима, политического устройства и формы правления — одни из самых обсуждаемых в истории политической мысли. Обозначенные еще в Древнем мире, они до сегодняшнего дня не теряют своей актуальности. Особенно пристально величайшие мыслители прошлого, да и настоящего интересовались поисками совершенной формы правления как отражения воли и чаяний людей, представляющих население каждого конкретного государства. Людям свойственно стремиться к лучшему устройству своей жизни, но, стремясь к этому, они не могут не думать о государственном устройстве в целом, т.к. последнее во многом определяет первое. Во все времена главной целью государства было и остается достижение «общего блага». Вопрос заключается лишь в том, что понимать под «общим благом» и с помощью какой формы правления можно его обеспечить. Вечный спор ведется вокруг трех основных форм: монархии, аристократии и демократии. Три другие — тирания, олигархия и анархия — либо называются неправильными, либо вообще не считаются формами государства.

Идеальные государства Платона и Аристотеля представляли собой смешанные формы, основанные на использовании рабского труда, без которого не представлялось возможным достижение «общего блага» для граждан. Демократию в чистом виде они считали одной из неправильных форм правления, т.к. она способна привести к анархии, а затем и к тирании. «Демократия... осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещениях государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию» [Хрестоматия... 2000: 47]. В демократии «власть сосредоточена <...> в руках неимущих» [Хрестоматия... 2000: 59].

Цицерон, выделяя простые формы правления — царскую власть (монархию), власть оптиматов (аристократию) и народную власть (демократию), все их называл несовершенными, потому что в силу присущей им односторонности они легко перерождаются. Царская власть, чреватая произволом единовластного правителя, легко вырождается в тиранию, а власть оптиматов из власти наилучших (по мудрости и доблести) превращается в господство клики богатых и знатных. Полновластие народа также приводит к пагубным последствиям, к «безумию и произволу толпы», к ее тиранической власти. Эти переродившиеся виды властвования уже не являются формами государства, поскольку в них отсутствует само государство, понимаемое как общее дело и достояние народа, отсутствуют общие интересы и общеобязательное для всех право. Преодолеть такое вырождение государственности можно лишь в условиях наилучшего (смешанного) вида государственного устройства, образуемого путем равномерного смещения положительных свойств трех простых форм правления. Путь к смешанной форме Цицерон видел в эволюции римской государственности от первоначальной царской власти к сенатской республике. Причем здесь надо отметить, что аналогию царской власти он видел в полномочиях магистратов (консулов), власти оптиматов — в полномочиях сената, народной власти — в полномочиях народных собраний и народных трибунов. Подчеркивая опасность крена в сторону того или иного начала смешанной государственности и выступая за их взаимное равновесие, он подчеркивал необходимость «равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий — с тем, чтобы достаточно власти было у магистратов, достаточно влияния у совета первенствующих людей и достаточно свободы у народа» [Хрестоматия... 2000: 78].

Фома Аквинский, учение которого определило весь ход средневековой политической мысли, считал, что сохранение феодально-сословной иерархии, привилегированного положения обеспеченных властью лиц и богачей, исключение из сферы политики земледельцев, мелких ремесленников и торговцев, а также соблюдение всеми предписанного Богом долга повиноваться высшему сословию есть необходимое условие для достижения указанной выше цели, а власть государя зависит от закона и не выходит за его рамки [Фома Аквинский 1990]. «Королевскую монархию» как наилучшую форму правления отстаивал Ж. Боден. В ней суверенитет принадлежит монарху, а управление имеет аристократический и демократический характер, проявляющийся через практику назначения должностных лиц. Современник

Ж. Бодена Э. Ла Боэси выступал с яростной критикой монархии, считая ее антиобщественной и антигуманной, но вместе с тем отмечал, что миллионы людей вследствие трусости и страха сами отказываются от своей свободы, становясь невольниками государей. Н. Макиавелли, рассуждая о формах правления, высказывал свои симпатии тем единолично управляемым государствам, где государь правит в окружении слуг, которые милостью и соизволением его поставлены на высшие должности помогают ему управлять государством. Основоположник социалистической идеи Т. Мор считал, что Утопия как идеальное государство может существовать только при условии обязательной трудовой повинности, наличия рабов и ограничения потребностей граждан.

В Новое время многие мыслители стали связывать цель государства с обеспечением свободы для граждан. Б. Спиноза одним из первых доказывал преимущество демократического устройства, отмечая, что оно «наиболее естественно и наиболее приближается к свободе» [Спиноза 1957]. Люди, создавая государство, во имя самосохранения добровольно отказываются от части своей естественной свободы и своих естественных прав. Следовательно, в любой форме правления есть, прежде всего, ограничение свободы, а преимущество демократии заключается в том, что с этим вынужденным ограничением согласилось большинство.

Французские мыслители эпохи Просвещения стали обосновывать тезис о том, что нет и не может быть какой-то одной идеальной формы для всех народов. Каждой форме правления, как отмечал Ш.Л. Монтескье, соответствует тот или иной «дух народа», формирующийся под влиянием климата и территории. Зависимость формы правления от территории подчеркивал и русский исследователь В.Н. Татищев. Наличие той или иной формы правления он ставил в зависимость от размеров территории страны и степени обеспечения ее внешней безопасности. Он считал, что малые народы и народы, не подвергающиеся нападениям, вполне могут управляться демократически; «великие и находящиеся в безопасном положении могут установить у себя аристократическое правление»; «великие же и от соседей небезопасные государства без самовластного государя в целости сохраниться не могут» [Татищев 1979]. Понятно, что при таком подходе для России не может быть спасения вне монархии.

Ж.-Ж. Руссо, отмечая в общем виде, что «демократическое правление наиболее пригодно для малых государств, аристократическое – для средних, а монархическое – для больших», попытался подойти к обозначенной выше проблеме еще более рационально. Он указал на то, что «во все времена много спорили о том, которая форма правления наилучшая, – того не принимая во внимание, что каждая из них наилучшая в одних случаях и худшая в прочих» [Хрестоматия... 2000: 137]. Правильнее ставить вопрос о признаке, по которому можно узнать, хорошо или дурно управляется народ. В качестве такого признака Ж.-Ж. Руссо предлагает считать численность населения и ее рост только за счет естественного размножения, без предоставления гражданства иностранцам.

Для американских мыслителей Т. Пейна и Т. Джефферсона лучшей формой правления, бесспорно, была демократия. «Именно та форма правления является наилучшей, которая лучше всего обеспечивает чистый отбор... естественных, природных аристократов для занятия правительственных должностей...» Причем лучшее средство здесь – предоставление гражданам права на свободные выборы и на отделение естественных аристократов от псевдоаристократов. Дело в том, что народные массы в целом «избирают действительно хороших и мудрых людей. В некоторых случаях богатство может подкупить, а происхождение – ослепить их, но все это не в такой мере, чтобы угрожать обществу» [История... 2010: 101].

В 1917 г. пришедшие к власти в России большевики предложили свое видение наилучшей формы правления. Одни считали ее подлинным воплощением народовластия, другие называли деспотией. Известный философ XX в. И.А. Ильин в своей работе «Наши задачи. Историческая судьба и будущее России», рассуждая о том, что государственная форма должна считаться с климатом и с природою страны и поэтому каждому народу причитается своя, особая, индивидуальная государственная форма, высказал сомнение о том, что «социализм» способен обеспечить

«социальность», т.е. бережное отношение к человеческой личности, к ее достоинству и к ее свободе [Ильин 1992: 40–42]. Просуществовав более 70 лет, социализм в нашей стране все-таки рухнул.

В 1993 г., проголосовав за новую Конституцию, россияне сделали свой выбор в пользу демократии западного типа. Произошел демонтаж старых политических институтов и замена их западными образцами. Вместе с тем в начале 1990-х ценности западноевропейских идеологий быстро перетолковывались в России на своеобразный прагматический лад: индивидуализм превращался в безудержный эгоизм, свобода – в своеволие и безответственность, конкуренция – в абсолютное право сильного и т.п. Почти 10 первых лет страну бросало из стороны в сторону, порой казалось, что правление как таковое вообще отсутствует. Об «общем благе» уже мало кто говорил, люди, видя как растет «благо немногих», пытались выжить, кто как мог. Численность населения резко упала, смертность стала превышать рождаемость. Вспоминая высказывание Ж.-Ж. Руссо, можно было понять, что государство управляется дурно. С 2001 г. все стали замечать усиление централизации власти. Появились мнения о том, что нам не нужны образцы западной демократии, мы будем строить свою особенную, «суверенную» демократию. И в этом была определенная логика, основанная на особенностях нашей исторической культурной традиции. Концепция «демократического транзита» потеряла свою актуальность. Сегодня, по данным исследования Левада-Центра, лишь 13% россиян считают европейскую демократию примером для подражания¹. Что это? Усталость от свободы? А знаем ли мы, что такое свобода? В российской действительности не получило развитие представление о свободе как возможности выбора, основанного на изначальном признании какого-то ограничения. Мы столкнулись с «дикой» свободой, понимаемой как вседозволенность. Не удивительно, что такая свобода многих напугала, т.к. она ведет к анархии. Страх толкает людей к тому, что они начинают отказываться от свободы. Именно в этом Э. Ла Боэси еще в XVI в. видел суть тирании. Разгул преступности, коррумпированность чиновников, платное образование и платная медицина, постоянный рост цен, угроза возможности повторения дефолта 1998 г., рост налогов, износ оборудования, частые катастрофы, распространение наркомании среди различных категорий населения и многое, многое другое – все это порождает желание наличия сильной руки, способной навести порядок в стране. Удивительно то, что даже молодые люди, которые не жили в условиях тоталитаризма и авторитаризма, тоже считают демократию несовершенной формой правления для России. Вероятно, убежденность, что «барин приедет и во всем разберется», так надежно укрепились в нашем общественном сознании, что транслируется из поколения в поколение. «Абсолютные монархии, – писал Т. Пейн, ...имеют то преимущество, что они просты. Если люди страдают, они знают, кто источник их страданий...» [Хрестоматия... 2000: 236]. В демократии найти виновного сложнее. Здесь надо начинать спрашивать с самого себя. Может быть, именно это нам и не нравится? Человечество веками боролось за право своего голоса, а мы, не веря в возможность честных выборов, отказываемся избирать власть, чтобы потом иметь возможность сказать: «Я не выбирал это правительство и поэтому не несу ответственности за его дела». Политическая элита, опираясь на наше безразличие, начинает воспроизводиться только за счет своего внутреннего ресурса, превращаясь в касту, которая становится все дальше и дальше от народа. Идея отменить барьер явки, для того чтобы выборы считались состоявшимися, не возникла сама по себе, из ничего. Надо признать, что мы сами, своими действиями подготовили такое изменение. Начиная с 1995 г. власть констатировала постоянное падение явки на думские выборы. Что оставалось делать правительству? Ну не проводить же выборы по нескольку раз, тратя на это бюджетные деньги, которых и так недостаточно для проведения необходимых социальных программ. А усиление партии власти, разве это не является нашей заслугой? По данным ФОМа осенью 2000 г. 55% опрошенных считали, что «межпартийная борьба мешает вла-

¹ <http://www.levada.ru/28-10-2014/nuzhna-li-rossii-demokratiya>

сти эффективно работать»¹. После победы «Единой России» на выборах в 2003 и в 2007 гг. стало понятно, что законодательная и исполнительная власти в России все чаще находят консенсус. С другой стороны, относительная стабильность жизни, установившаяся в последние годы, как-то отодвинула этот факт слияния властей на задний план, а накануне выборов президента в 2008 г. даже породила новый страх: «а вдруг власть поменяется, и жить станет еще хуже».

Может быть, дело действительно в нашей огромной территории, которой может управлять только сильная централизованная власть? Суровый климат большинства регионов, их отдаленность друг от друга требуют больших энергетических и транспортных затрат. Для развития производства нужны крупные капиталовложения. Возможно, именно это не позволяет развиваться мелкому бизнесу, составляющему основу демократического общества. Сегодня, так же как и в начале прошлого века, капитализм в России имеет возможность развиваться только как монополистический, а в таком виде он мало кого устраивает. Государственный монополистический капитализм, существовавший в условиях социализма и позволяющий вкладывать средства в развитие производства, а также единая централизованная власть, обеспечивающая систему распределения продукции, кажутся действительно более привлекательными. Но не надо забывать, что эта система распределения была недостаточной для удовлетворения потребностей населения, а призывать сегодня, подобно Т. Мору, к ограничению потребностей просто бесполезно.

Конечно, демократию нельзя рассматривать как венец политической истории человечества, она нуждается в дальнейшем развитии, модернизации применительно и к современным условиям, и к особенностям современного общества. В связи с этим хотелось бы сказать, что нам не следует ругать демократию и искать спасение в усилении власти. Нам необходимо планомерно идти по пути совершенствования демократических институтов, и прежде всего – выборной системы, позволяющей расширять социальный круг политической элиты, развивать гражданское общество, формировать конструктивную оппозицию власти, создавая условия для реализации принципа разделения властей [Маслодудова 2010]. Как писал Т. Джефферсон, «мы сможем уменьшить опасность продажи и покупки голосов при выборах, сделав число голосующих слишком великим для любой попытки подкупа» [История... 2010: 46]. Бороться с издержками демократии можно только путем еще большего ее расширения. Другого пути нет. Демократия не проста и не совершенна, она нуждается в постоянной защите. И все-таки отказываться от нее в современном мире нельзя.

Список литературы

Ильин И.А. 1992. *Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг.* В 2 т. М.: Рарог. Т. 1. 271 с.

История политических и правовых учений зарубежных стран: хрестоматия (сост. Н.В. Маслодудова, В.Е. Шинкевич). 2010. Красноярск: СибЮИ МВД России. 144 с.

Маслодудова Н.В. 2010. К вопросу о наилучшей форме правления: историко-политологический анализ и современное видение проблемы. – *Вестник СибЮИ ФСКН России*. № 4. С. 112–117.

Спиноза Б. 1957. Богословско-политический трактат. – *Избранные произведения*. В 2 т. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 2. 631 с.

Татищев В.Н. 1979. *Избранные произведения*. Л.: Наука. 464 с.

Фома Аквинский. 1990. О правлении государей. – *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–VII вв.* Л.: Наука. С. 217–230.

Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений (авт.-сост. Р.Т. Мухаев). М.: Приор. 1104 с.

¹ Доступ: http://bd.fom.ru/report/cat/pol_par/dd002932/d002932

MASLODUDOVA Natalya Vladimirovna, *Cand.Sci.(Philos.)*, Associate Professor of Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation (20, Rokossovsky St, Krasnoyarsk, Russia, 660131; nata.maslodudova@yandex.ru)

SHINKEVICH Vladimir Yefimovich, *Dr.Sci.(Soc.)*, Professor of Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation (20, Rokossovsky St, Krasnoyarsk, Russia, 660131; vlshink@yandex.ru)

POLITOLOGICAL ANALYSIS AND CONTEMPORARY VISION OF THE ISSUE OF THE BEST POLITICAL REGIME AND FORM OF GOVERNMENT CHOICE

Abstract. The article considers the main ideas of thinkers of the ancient world, the Middle Ages, Modern and Contemporary times about the best political regime and the form of government that are completely meet the requirements of population and the society on the whole. The peculiarities of perception of the west image of democracy by Russians are discovered, reflections on the phenomenon of democracy in contemporary Russia are given. Special attention is paid to the necessity of the development and improvement of democratic achievements.

Keywords: political regime, form of government, democracy, democracy in contemporary Russia

БАРАНЕЦ Наталья Григорьевна — д.филос.н., доцент; профессор кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42; n_baranetz@mail.ru)

ВЕРЕВКИН Андрей Борисович — к.физ.-мат.н., доцент; доцент кафедры алгебро-геометрических вычислений Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42; a_verevkin@mail.ru)

МАРАСОВА Светлана Евгеньевна — аспирант кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу памяти научного сообщества. В работе обоснована эвристичность понятий коммуникативной, культурной и исторической памяти научного сообщества для описания процессов формирования коллективной памяти ученых. Предложена типологизация сюжетов, воспроизводимых в исторической памяти научного сообщества, и выявлены основные типы персонажей памяти научного сообщества. Описаны идеологические предпосылки исследований отечественной истории науки. Показана консолидирующая роль В.И. Вернадского и поддерживающих его ученых (М.А. Блоха, А.В. Васильева, А.С. Лаппо-Данилевского) в организации историко-научных исследований.

Ключевые слова: память научного сообщества, историческая и культурная память научного сообщества, историческая рефлексия, сциентизм, либерализм, научный прогресс

Механизм формирования памяти общественных групп стал предметом целенаправленного исследования только в последнее десятилетие, хотя концепция коллективной памяти общества была сформулирована Эмилем Дюркгеймом еще в начале XX в., а основополагающая книга Мориса Хальбвакса «Коллективная память» была опубликована в 1950 г. Хальбвакс описал то, как общественные группы создают и воспроизводят образцы толкования событий, тем самым конструируя свою коллективную память. Внимание историков и эпистемологов к понятию «историческая память» было привлечено в 1990-е гг. египтологом Яном Ассманом. Его книга «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (Мюнхен, 1992) положила начало новому научному направлению — *memory studies*.